

ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

ЧЕРТОВЫ
ПАЛЬЦЫ

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Т46

Серия «Самая страшная книга»

Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении книги использованы иллюстрации

Александра Соломина и Катерины Пархоменко

Иллюстрация на обложке: *Татьяна Веряйская*

Тихонов, Дмитрий Александрович

Т46 Чертовы пальцы / Дмитрий Тихонов.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 509, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-105777-0

Черт знает, сколько у черта пальцев. Может, десять, а может — все пятнадцать. Но еще больше у черта масок, и он меняет их постоянно, являясь смертным в самых диковинных обличьях, иногда обманчиво-прекрасных, иногда — чудовищных. В этой книге собраны полтора десятка историй, в которых нечистая сила предстает во всем своем жутком, леденящем кровь многообразии. Не сопротивляйтесь. Позвольте «Чертовым пальцам» перенести вас в мир, где ничто не является тем, чем кажется.

© Дмитрий Тихонов, текст, 2018

© Татьяна Веряйская, обложка, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЧЕРТОВЫ ПАЛЬЦЫ

1

В вагоне было пусто и сумрачно: лампы горели в четверть мощности, а за окнами плескалась густая тьма, полная змей. Змеи. Снова снились змеи. Плохая примета. Он встряхнулся, сел ровно, ощупал чемоданчик, провел рукой по редющим волосам. Скоро все кончится. У него хватит сил.

Павел Иванович посмотрел на часы — если доверять расписанию, до прибытия на конечную станцию оставалось минут двенадцать. Интересно, кроме него есть хоть кто-нибудь в этом поезде?

Он поднялся и, прихватив чемоданчик, вышел в тамбур. Здесь было прохладнее, не горел свет. Павел Иванович закурил. Крохотный красный огонек отражался в оконном стекле, за которым теперь, в темноте, стало возможно различить проносящиеся мимо деревья и столбы ЛЭП. Через пару минут, когда огонек погас, снаружи появились другие огни — редкие желтые квадратики окон домов, раскиданных среди рощ и полей.

Их постепенно становилось все больше, затем мимо поплыли склады, коробки пятиэтажек, облепленные гаражами и детскими площадками. Поезд

начал тормозить. Секунды цеплялись друг за друга, словно утопающие после кораблекрушения. Наконец, дернувшись несколько раз, вагон остановился. Двери открылись с шипящим шорохом.

Павел Иванович вышел на платформу, осмотрелся. Железная дорога, тянувшаяся из областного центра целых сто двадцать километров, здесь заканчивалась, рельсы обрывались, упершись в скопление ветхих хозяйственных построек. За годы, прошедшие с того дня, когда он уехал, город оброс новыми зданиями, но на самом деле остался прежним. Ветви деревьев все так же царапали небо, не верящее в то, что лето закончилось, и лохматые собаки все так же копошились у мусорных баков.

Павел Иванович спустился по растрескавшимся бетонным ступеням, миновал деревянное здание вокзала, прошел мимо нескольких таксистов, которые, увидев его, наперебой взялись предлагать свои услуги. Но он только качал головой и улыбался.

— Автобусы не ходят уже! — крикнул один из них ему в спину.

— Мне недалеко! — соврал он, не оборачиваясь.

На самом деле ему нужно было практически на окраину города, но отказать себе в удовольствии прогуляться он не мог. Старые кривые улочки, ползущие вверх и вниз по склонам холмов, черные контуры крыш над покосившимися заборчиками — все, что снилось ему в те ночи, когда кошмары отступали. Скоро его миссия будет завершена, и наступит покой. Ему хотелось, чтобы это произошло здесь.

Пройдя лабиринтом переулков и подворотен, он спустился к центральной площади и пересек ее, не встретив ни одного живого существа, кроме разве что больного бездомного пса, испуганно смотревшего на странного человека. Тут было грязно:

ветер таскал по асфальту обрывки газет и упаковочной бумаги, повсюду валялись ошметки картонных коробок и воняло протухшей рыбой — поэтому он вздохнул с облегчением, когда свернул в очередную улицу, круто поднимающуюся в гору, к церкви.

Даже в темноте можно было различить, что ее недавно отреставрировали. Белые стены, аляповатые, но аккуратные украшения, новенькая колокольня. Сделано все уже после его отъезда, он помнил храм осыпающейся развалюхой из почерневшего от времени красного кирпича, но, кажется, как-то ему довелось увидеть по телевизору репортаж о восстановлении церквей, где среди прочих была упомянута и эта, так что он не особенно удивился и останавливаться, чтобы рассмотреть все в подробностях, не стал.

Ближе и ближе. Ботинки, купленные неделю назад, натирали ноги, да и в левом колене появилась тяжелая, холодная боль, но улыбка не исчезала с лица. Вот уже возвышается слева окруженная голубыми елями громада Дворца культуры, в котором он некогда работал. Фасад по-прежнему украшен безвкусным витражом, зато к крыльцу теперь ведет ровная, широкая дорожка.

А вот тот самый перекресток и магазинчик на углу — вывеска другая, но дверь двадцатилетней давности. Судя по всему, здесь в самом деле практически ничего не изменилось и вряд ли изменится в ближайшее время. Уважающий себя маленький городок. Это хорошо.

Павел Иванович вышел на нужную улицу и почти бегом преодолел оставшиеся несколько домов. Фонари заливали тротуары липким желтым светом, различить номера на заборах возле калиток не составляло никакого труда, но он без всяких цифр

узнал бы свой дом из тысячи, сколько бы лет — или столетий — ни прошло с их последней встречи.

Остановившись, он едва сдержал рвущийся из груди радостный смех. Да, новый обитатель обложил фасад белым кирпичом, выстлал железом крышу, заменил деревянное ограждение у палисадника на проволочное, и забор оказался подновлен, покрыт непривычной синей краской, но это был его дом. Тот самый, в котором он родился и вырос, тот самый, в котором учился заново ходить после тяжелого перелома и помогал плачущей матери обмывать мертвое тело отца. Это был его дом.

Шло время, минута за минутой протекали мимо, тишина колыхалась вокруг, разбавленная обычными ночными шорохами. Павел Иванович неподвижно стоял на тротуаре перед калиткой, прикрыв глаза, словно в глубокой задумчивости. Губы его беззвучно шевелились, выговаривая слова, которых никогда не слышал никто из ныне живущих под небом. Слова сливались с окружающим мраком, будили в нем движение и далекие, едва различимые голоса, будто отзывающиеся на них. Слова приносили тьму.

Наконец он замолчал и, снова широко улыбнувшись, протянул руку к калитке. Та поддалась с легким скрипом, открывая заполненный разнокалиберным хламом двор. Сторожевая собака дернулась было навстречу, но распознала пришедших и, проглотив рык, спряталась в свою конуру, грубо сколоченную из старой фанеры. Павел Иванович подмигнул ей, шагнул внутрь, прижав чемоданчик к груди. Он знал, куда идти. Обогнув угол, поднялся на высокое, но чуть покосившееся крыльцо, громко постучал в обитую облезлым дерматином дверь.

Заскрипели за ней половицы, щелкнул замок. Дверь распахнулась, выпустив наружу поток теплого света. На пороге стоял высокий худощавый мужчина в выцветших обвисших спортивных штанах и такой же майке.

— Здравствуйте,— сказал ему пришедший.— Вот и я.

— Ага,— хозяин покосился в сторону собачьей будки.— А как вы?..

— Позвольте войти?

Хозяин прищурился:

— Зачем? Все вещи, которые после нее остались, я в сарае сложил. Там и ищите. Сейчас фонарь возьму.

Он вдруг бросил настороженный взгляд в темноту за спиной гостя:

— Вы что, не один?

— Нет,— спокойно ответил тот.— Не один. Я бы с удовольствием представил вам моих спутников, но у них нет имен.

Сказав это, он отступил на шаг, давая возможность тем, кто стоял позади, добраться до входа. Глаза хозяина расширились от ужаса, он попытался захлопнуть дверь, но не успел. Не было ни криков, ни особого шума — все кончилось через несколько мгновений.

Гость вошел, стараясь не наступить в быстро расползающуюся по линолеуму алую лужу. Кровь не растекалась равномерно, а собиралась в левом углу — верный признак того, что пол по-прежнему неровный. Все, как раньше, как в детстве. Павел Иванович счастливо смеялся, обходя небольшие комнаты. Каждый угол, казалось, хранил великое множество воспоминаний. Он вернулся домой. После всех несчастий, трудностей и бед, после

выжигающих душу скитаний. Вернулся. Теперь уже навсегда.

2

Еще трое прибыли из областного центра на автобусе, но до города не доехали. В предрассветных сумерках выгрузились на остановке по требованию за семь километров до окружной. Кроме них, здесь никто не вышел. Да и назвать это нагромождение бетонных плит возле дороги остановкой простиительно было, пожалуй, только слепому. Ничего похожего на станцию тут не наблюдалось. Просто рейсовый автобус замер испуганно на две с половиной минуты посреди леса, а затем отправился дальше, мгновенно забыв о трех мужчинах, оставшихся на сером наросте, уродовавшем почти идеальную прямую междугороднего шоссе.

Они долго смотрели друг на друга молча. Камуфляжные штаны, высокие армейские ботинки, объемистые рюкзаки, истертые временем и непогодой ветровки. И глаза такие же — истертые. Глаза без малейшего намека на счастливый исход.

— Ну что? — сказал наконец Серп.— Двигаем?

— А как же иначе,— сказал Молот и кивнул.

Лицедей поднял лицо к небу. В предвкушающей солнечный свет бледной синеве скользила обрывком ночи хищная птица. Ястреб или сокол.

Серп повел головой, втянул носом воздух.

— Ну что? — повторил он.— Пора. Танюха уже здесь.

— О чем думает? — спросил Лицедей.

— О том, что ее молодой человек согласился сюда приехать, только чтобы побыть рядом с Катей. Она думает, что ему нравится Катина грудь и

ради этой груди он готов мерзнуть в палатке холодной сентябрьской ночью и гулять по лесу. Она пока не решила, хорошо это или плохо.

— Все?

— Танюха больше не сомневается. Вспомнила, на кого он раньше смотрел так же, как теперь на Катю.

— На кого?

— На нее.

— Девчонка-то не дура,— сказал Лицедей.— Сообщает. Хотя ночи пока не такие уж холодные.

Спустя четверть часа солнце все-таки поднялось над горизонтом, запустив механизм нового дня. Трое шли через бурелом. Замшелые острия обломанных веток впивались им в кожу, цеплялись за одежду, смола пачкала ладони, паутина, тонкая и невесомая, словно воспоминания о счастье, липла на лица. Ботинки с чавканьем погружались в пушистый мох.

— Это болото,— сказал Молот.— Ты завел нас в болото.

Лицедей продолжал идти молча, не глядя по сторонам. Серп вполголоса напевал песенку о том, как меркнет солнце и тонет в море земля. Выходит, к кому именно обратился Молот, не совсем понятно — поэтому он произнес ту же фразу еще раз, более отчетливо и сурово:

— Дурак, ты завел нас в болото!

Лицедей остановился, медленно обернулся:

— Дурак?

— Что?

— Ты сказал «дурак»?

— Похоже, да.

— Ты выглядишь как взрослый мужчина, не забывай. Как мужик. Мужики не называют друг друга дураками. Это звучит странно.

Молот пожал плечами:

— Я не хотел обидеть тебя, а потому использовал самое безвредное из известных мне оскорблений.

— Я знаю еще более безвредное,— заявил Серп.— Шмара. Нет, то есть глупец. Да, глупец.

— Глупец обиднее, чем дурак. В нем есть дух старины, а значит, и смысла больше.

— Хорошо,— кивнул Лицедей.— Я понял. Двигаем дальше. Лагерь уже рядом.

Действительно, спустя пару минут они вышли к небольшой поляне, где вокруг еще дымящегося кострища стояли три двухместных палатки. Тишина здесь была не настоящей. В ней что-то зрело, готовилось, вот-вот должно было закипеть.

Трое остались за деревьями, наблюдать. Вскоре полог одной из палаток отодвинулся и изнутри бесшумно выбрался молодой мужчина, одетый только в майку и шорты. Он осторожно, стараясь не издать ни одного лишнего звука, застегнул полог и, подкравшись к палатке напротив, нырнул внутрь.

С такого расстояния нельзя было расслышать каких-либо слов, но трое прекрасно знали, что шепчут друг другу Катя и молодой мужчина в майке и шортах, которого она, сама того не особо желая, отбила у своей лучшей подруги.

— Буди Танюху,— устало проговорил Лицедей.— И пошли. До машины еще топать и топать.

3

Люди из Конторы никогда не приходят без предупреждения. Они никогда не звонят с угрозами, не поджидают у подъезда, не заглядывают в окна. Не их стиль. Гарракумба. Обратите внимание на надписи, появившиеся одним прекрасным утром

на стене продуктового магазина, мимо которого обычно проходите по дороге на работу. Вы же ходите на работу? Вы же крутите колесо? Как мой прадед — он с восьми лет каждый день спускался в подвал мастерской и вращал с помощью специальной рукоятки шлифовальное колесо наверху. Потом он вырос и перестал спускаться в подвал, сам сел за колесо, гоняя вместо себя вниз кого-то другого. Карьерный рост. Богатые перспективы. Заккарама. Шавратас.

4

В паре километров от города — они только что миновали очередной указатель — Лицедея скрутило. Он съехал на обочину и остановил машину.

— Совсем херово? — спросил зачем-то Молот. Лицедей кивнул, пробормотал сдавленно:

— Я сейчас...— и, выскочив из автомобиля, скрылся за деревьями.

— Укачало? — невесело пошутил Серп, но сам даже не улыбнулся.

Молчали. Осматривались. Дорога была неплохого качества, со свежей, яркой разделительной линией. Справа высился сосновый лес, в котором сейчас тошнило их товарища и командира, а слева, за тощей линией посадок, раскинулись, как принято их именовать во всей русской литературе, «бескрайние» поля. Над ними тонуло в багровых облаках солнце.

— Хорошая погода,— сказал Молот.— Для осени очень даже неплохо.

— И для лета сошло бы,— согласился Серп.— Для августа вполне.

— Картошку копать.

— Да. Идеальная погода для картошки, ну и вообще... на даче посидеть.

Разговор не клеился. Этот треклятый городишко из абстрактной точки на карте превратился во вполне реальную угрозу. Они никогда не подбирались к нему так близко, разве что во снах. Серп вспомнил свои сны, содрогнулся от отвращения.

— Как думаешь, девчонка понимает, что происходит? — спросил он, чтобы избавиться от жутких образов.

— Вряд ли,— сказал Молот.— Если бы понимала, собрала бы манатки и свалила из города еще пару дней назад. Куда-нибудь на другой конец планеты или, на крайний случай, страны.

Лицедей, согнувшись, вышел из леса, добрался до машины, заглянул в окно.

— Молот, давай ты поведешь. Мне хреново.

— Не вопрос.

Молот пересел на водительское место, а Лицедей пристроился на пассажирском. Он заметно побледнел и тяжело дышал. Седеющие волосы на лбу слиплись от пота.

— На что это похоже? — спросил Серп, роясь в карманах в поисках пачки сигарет.

— На старуху,— ответил Лицедей и, подумав некоторое время, кивнул.— Да, на старуху. Я встал у какой-то сосны, чтобы сблевать, а она вышла из кустов, стала смотреть на меня. И говорить... поехали уже. Не надо терять время.

— Ага,— Молот повернул ключ в замке зажигания. Взревел мотор, машина тронулась с места. Лицедей не произносил ни слова. Двое его соратников тоже молчали, прекрасно понимая, что шефу нужно собраться с мыслями.

Только когда впереди показались первые дома, он начал рассказывать.

— Мы проехали пост, мне стало нехорошо. Я же предупреждал вас, что такое может происходить, если подберемся близко. Каким-то образом вся эта хрень влияет на меня. Я пошел в лес, сунул два пальца в глотку, надеясь просто проблеваться. Иногда помогает. Помогало раньше. Тут все сложнее оказалось... слушай, дай закурить, а?

Серп удивленно протянул ему сигарету и зажигалку. За все то время, что они были знакомы, он ни разу не видел, чтобы Лицедей курил. Тот сделал первую затяжку, закашлялся.

— Бросил давно. Еще при Советской власти. Так... значит, стою я, давлюсь, а из меня ни черта не выходит. Даже не капает ничего. Ну, думаю, слава богу. И тут вдруг — как прорвало: поперла изнутри черная слизь. Льется на траву, а в ней что-то шевелится, копошится, расплзается в разные стороны. Ну я догадался, что это глюк, конечно. Почти сразу догадался, даже испугаться как следует не успел. Рвать перестало, откашлялся, рот вытер, к дереву прислонился. А она стоит напротив. Обычная такая старуха деревенская. Маленькая, сухонькая, в рваной фуфайке, в шерстяном платке. Лицо сморщенное, рот беззубый. Ничего особенного, таких на каждой автобусной остановке здесь по пять штук.

Я ей и говорю, значит: «Здравствуйте». А она молчит. Улыбается. Хотя хрен знает, рот сморщенный, подбородок чуть ли не под самым носом. Непонятно в общем. Пялится на меня своими круглыми глазами. Ну, я подумал — может, глухая или, там, на голову больная, хотел снова поздороваться, но тут меня опять начало тошнить.

Лицедей замолчал, вытер рукавом пот со лба. Они въехали в город, и теперь по сторонам вместо деревьев мелькали дома, заборы, фонарные столбы.

— Нам куда? — спросил Молот.

— Улица Садовая, одиннадцатый дом, — ответил Серп.

— А это где?

— Вроде бы недалеко тут. То ли третий, то ли шестой поворот направо.

— Говорил же я, надо было купить джипиэрэсину. Сейчас бы, глядишь, никаких проблем не возникло.

— А ты по старинке.

— Это как?

— Выйди и спроси.

— Ну уж хрен, — Молот дал по тормозам, резко остановив машину посреди пустынной улицы. — Давай ты выйди и спроси.

Пока Серп объяснялся с проходившей мимо пожилой женщиной, Лицедей и Молот молчали и оглядывались. Городок производил унылое впечатление: обшарпанные пятиэтажки, почерневшие от времени частные дома и сараи, залитые грязью тротуары. Осенью все русские города полны тоски и безнадежности. Серые облака, серые окна, серые лица.

— Ага, — Серп вернулся в машину. — Я все выяснил.

— Молодец, — буркнул Молот, давя на газ.

Лицедей повернулся к Серпу:

— Будь другом, дай еще сигаретку.

— Пожалуйста.

Лицедей закурил, и в салоне вновь воцарилось молчание. Справа и слева пятиэтажки сменились двухэтажными каменными домами еще дореволю-

ционной постройке. Некоторые из них выглядели весьма плачевно, другие щеголяли свежим ремонтом — но среди тех и других было мало жилых. Магазины, офисы, кафе, бары.

— Кажется, въехали в старую часть города, — протянул Серп. — Скоро уже...

— Угу, — Молот быстро взглянул на Лицедея. — Так что там со старухой в лесу?

Лицедей выкинул окурок в окно, ответил ровным голосом, не отрывая взгляда от дороги:

— Это неважно. Абсолютно неважно.

— Да ладно!

— Там нет ничего срочного. Может, потом как-нибудь. Сейчас нет настроения.

Молот хмыкнул. Спорить с шефом он, разумеется, не собирался. Но такой подход к делу ему не нравился. С другой стороны, если бы в лесном видеении действительно содержалось что-то значимое, способное помочь в борьбе с врагом, Лицедей наверняка не стал бы утаивать это от коллег. Тем более, если увидел бы малейший намек на возможную опасность.

Или нет?

5

В школе на все можно смотреть с двух противоположных точек зрения. Здесь в одном здании заперты две почти никогда не пересекающиеся вселенные. Если сесть за учительский стол, то перед вами будут лица детей, равнодушные или заинтересованные. Еще будут столешницы парт, открытые учебники, тетради, шкаф у дальней стены и цветы на подоконнике, за которые вы лично отвечаете перед администрацией. Это взрослая вселенная. Она